

УДК 342

Особенности конституционно-правовой охраны в Японии

Кузьмин Игорь Александрович

Кандидат юридических наук, юрист 2-го класса,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ,
664035, Российская Федерация, Иркутск, ул. Шевцова, 1;
e-mail: grafik-sovetnik@rambler.ru

Юрковский Алексей Владимирович

Кандидат юридических наук, доцент,
старший советник юстиции,
завкафедрой государственно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ,
664035, Российская Федерация, Иркутск, ул. Шевцова, 1;
e-mail: avyurkovsky@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы организации и функционирования конституционно-правовой охраны в Японии с учетом современной политико-правовой ситуации в государстве. Исследованы идеологические (религиозные), национальные и исторические особенности (основания) конституционно-правовой охраны в Японии. Авторы приходят к выводам о наличии динамических изменений системы конституционно-правовой охраны Японии и указывают на специфику ее отдельных элементов (субъектов, объектов и содержания). Эффективность конституционно-правовой охраны оценивается с общепреventивных позиций с акцентом на правотворческий и правоприменительный опыт противодействия преступности в Японии. Система конституционно-правовой охраны в Японии (осуществляемая на основе Конституции Японии 1947 г.) в настоящее время претерпевает концептуальные изменения в связи с корректировкой общеполитического курса Японии на расширение мер охраны конституционализма и преимущественно основывается на интерпретациях конституционных норм высшими органами исполнительной власти (прежде всего – Правительством). Содержание конституционно-правовой охраны в Японии представляет собой совокупность подходов, средств и приемов (способов) поддержания законности и правопорядка, ранее тяготевших к концепции «мягкой силы», но претерпевающих в настоящее время деформацию. Основы японского консти-

туционализма на протяжении длительного периода убедительно демонстрируют свою эффективность и наличие глубоких социальных корней в практике отдельно взятого государства, и, по мнению авторов, должны быть изучены с позиции их применимости для совершенствования российской правовой системы и юридической практики.

Для цитирования в научных исследованиях

Кузьмин И.А., Юрковский А.В. Особенности конституционно-правовой охраны в Японии // Вопросы российского и международного права. 2016. № 5. С. 123-137.

Ключевые слова

Конституция, конституционное право, Япония, конституционно-правовая охрана, «мягкая сила», профилактика преступлений, преступления.

Введение

Страны Северо-Восточной Азии отличаются большой самобытностью и спецификой в плане государственного строительства и развития национальных правовых систем. Но даже в «перечне» азиатских стран особое место отводится такому высокоразвитому островному государству как Япония.

В силу географических и исторических традиций государственно-правовые процессы Японии формировались обособлено от материковых государств в условиях, сводящих к минимуму возможное влияние на правовую культуру и правосознание японских граждан со стороны третьих государств. «До 1853 г., – пишет Р. Давид, – Япония не имела никакого контакта с Западом... Традиционный образ мысли в Японии, очень далекий от европейского, в самые различные эпохи подвергался влиянию Китая. Однако этот образ мысли отличается от китайского: он сохранил свою ярко выраженную оригинальность, связанную с национальным характером японцев; определенное влияние в этом отношении оказала также изоляция, в которой японские правители держали страну в течение 250 лет, до 1853 года» [Давид, Жоффре-Спинози, 1996, 366]. В середине XIX в. русский писатель И.А. Гончаров в своем произведении «Фрегат “Паллада» (в основу данной рукописи были положены очерки, составленные И. А. Гончаровым по результатам его участия в первой императорской экспедиции в Японию в 1852 г.) относительно регулятивной системы Японии того времени высказался следующим образом: «Вот многочисленная кучка человеческого семейства, которая ловко убегает от ферулы цивилизации, осмеливаясь жить своим умом, своими уставами, которая упрямо отвергает дружбу, религию и торговлю чужеземцев, смеется над нашими попытками просветить ее и внутренние, произвольные законы своего муравейника противоставит и естественному, и народному, и всяким европейским правам, и всякой неправде». На исторические события (внутреннего и международного характера), обусловившие

сдержанность Японии в отношениях с другими странами на рубеже XVII-XVIII вв., обратил внимание Н.Ф. Лещенко [Лещенко, 2009, 34].

Весьма нетривиальное исследование особенностей трансформации мифологического наследия Японии в контексте японской государственности, проведенное О.В. Язовской привело к определенным, интересным на наш взгляд, выводам. Так, автор полагает, что «Вдохновившись в своих филологических и литературоведческих исследованиях содержанием древних текстов, ученые школы стали размышлять об особом Пути Японии и ее народа. Поиски идентичности нации в дальнейшем привели к конкретным реформам эпохи Мэйдзи и легли в основу идеологии японского национализма» [Язовская, 2014, 172]. С учетом задействованных автором работ японских ученых из школы национальных наук Мотоори Норинага и Хирата Ацутанэ он рассматривает идеологическую основу развития японской государственности как Путь богов. Исходя из мифологической модели мира, отмечается, что вертикаль власти проводится в системе Небо-Земля, где небесные равнины управляются богиней солнца Аматэрасу, а на Земле находится богоизбранная Япония во главе с потомком богини и остальные страны [Там же, 179].

Самоидентификация конституционно-правовой охраны в Японии

Современные тенденции и основы самоидентификации указывают на сохранение исторической преемственности Японии своему ранее избранному уникальному вектору социально-правовой эволюции. Глубокая приверженность обычаям (традициям), уникальное мировоззрение (в части осознания критериев организации социального порядка – взаимодействия общества, государства и личности), предопределило особенности конституционно-правового регулирования общественных отношений и, соответственно, их охрану. Д. Кида и Х. Нисихара подчеркивают, что традиционное японское право с точки зрения рецепции является древним «самобытно-японским», по форме – «бесписьменным», а по сути – имеющим характер религиозных проклятий» [Кида, 1977, 12].

Обращаясь к предмету нашего исследования, заметим, что в данной работе конституционно-правовая охрана рассматривается как комплекс официально установленных правотворческими субъектами мер, обеспечивающих незыблемость конституционного строя, которые могут быть применены в случае отклонения от основных позитивно-правовых предписаний, составляющих основы государственного строительства.

Основы конституционно-правовой охраны в Японии заложены в базовых (конституционно-правовых) актах и, прежде всего, в действующей Конституции Японии, которая прошла промульгацию 03.11.1946 г. и вступила в силу с 03.05.1947 года. Как и в большинстве стран, Конституция, будучи нормативно-правовым источником Японии, к объектам авторского права не относится, является программным документом (согласно ст. 13 закона Японии «Об авторском праве») [Кулагин, 2009, 24-25].

В преамбуле Конституции Японии содержится утверждение, что ни одно государство не должно руководствоваться только своими интересами, игнорируя при этом интересы других государств, что принципы политической морали являются всеобщими и что следование этим принципам – долг всех государств, которые охраняют собственный суверенитет и поддерживают равноправные отношения с другими государствами.

На основании ст. 99 Конституции «Император или регент, а также государственные министры, члены Парламента, судьи и все остальные публичные должностные лица обязаны уважать и охранять настоящую Конституцию». Из буквального грамматического толкования ст. 13 Конституции вытекает, что уважение людей и их основных прав (на жизнь, свободу и стремление к счастью) являются предметом заботы государства, но только в той части, в которой это не нарушает общественного благосостояния. О необходимости охраны (защиты от возможных нарушений) специально говорится в нормах Конституции, посвященных тайне голосования (ст. 15), свободе мысли и слова (ст. 19), цензуре (ст. 21), выборе профессии (ст. 22), свободе выезда за границу и отказе от гражданства, праве собственности (ст. 29), праве на защиту от вторжений (ст. 35). Становится очевидным, что охрана отдельных конституционных принципов и основных прав граждан относится к приоритетным направлениям государственной деятельности. Например, для обеспечения избирательных прав граждан в Японии существует ряд гарантий (собственноручное вписывание избирателем кандидата или партии в бюллетень для предотвращения мошенничества с бюллетенями, вывешивание списка кандидатов и партий в каждой кабине для голосования и др.) [Кузнецова, 2010, 74].

Часть объектов конституционно-правовой охраны закрепляется в специальных законах. Так, в ныне действующем Основном законе об экологии от 19.11.1993 г. устанавливаются принципы в отношении охраны окружающей среды, направления природоохранной политики [Аксаев, Кузьмин, Корнев, 2011, 142-143]. Ввиду сложной экологической обстановки в перенаселенной Японии и недавней техногенной катастрофы на АЭС «Фукусима-1» охрана окружающей среды среди остальных направлений государственно-правовой политики выходит на первый план.

Научно-политическим и социальным инкубатором «вызревания» и установления конституционно-правовой охраны считаются, так называемые политические «мозговые центры» (синку танку), рассматриваемые как организации, осуществляющие научные исследования в сфере публичного управления и обеспечивающих связь науки с политикой [Сенаторов, 2007, 33-45].

В процессе применения норм Конституции Японии, в том числе охранительных, большое значение имеет официальное толкование отдельных ее положений центральными органами власти, среди которых, ведущее место отдается Совету Министров Японии. Для иллюстрации сказанного можно обратиться к нормам ст. 9 Конституции Японии об отказе от войны и применении вооруженных сил как суверенного права нации. В 1970-м году были приняты руководящие положения, в соответствии с которыми Япония имела право на са-

мооборону лишь в минимальном объеме при отрицании права на коллективную самооборону. Однако, под давлением С. Абэ (премьер-министра) кабинет министров Японии принял резолюцию об изменении толкования ст. 9. Новая интерпретация статьи санкционирует право на коллективную самооборону Японии – применение «Сил самообороны Японии в целях защиты союзников на территории других государства и... позволяет использовать военную силу за пределами страны» [Киреева, 2015, 7-8]. Оговоримся, что реформа органов исполнительной власти, основной этап которой завершился в 2001 г. имела в качестве своей первоочередной задачи «усиление дееспособности кабинета министров, более четкое, чем прежде, определение руководящей роли премьер-министра в государственном управлении, формирование надежной системы практической помощи и поддержки премьер-министру с целью обеспечения его реального политического лидерства» [Моргунова, 2005, 49-50]. Следовательно, главным субъектом обеспечения конституционно-правовой охраны в Японии является правительство во главе с премьер-министром.

Подтверждением сказанного может послужить тот факт, что в 2007 г. С. Абэ в присутствии императора и его семьи объявил курс на пересмотр пацифистской Конституции Японии, подчеркнув обретение страной национального суверенитета (восстановление его в полной мере). Предлагаемый проект новой Конституции Японии проанализировал К.О. Саркисов [Саркисов, 2014, 71-73]. Определяя национальные приоритеты, С. Абэ подтвердил, что Япония взяла курс на «возрождение внешней политики и политики безопасности посредством укрепления надежного японско-американского альянса и осуществления активной дипломатии, способной защитить национальные интересы». Фактически, мы можем наблюдать официальный отказ Японии от концепции «мягкой силы» [Королев, Кудрявцева, 2014, 190-205] с переориентацией политического курса.

Справедливо заметить, что, значительная часть японских ученых-конституционалистов приблизительно с 70-х гг. прошлого века и до настоящего времени являются защитниками принципов демократического и правового государства. В Японии утвердилась правовая позиция, согласно которой толкование норм права (абстрактных по природе) относится к практической деятельности и должно реализовываться субъектами права с осознанием чувства социальной и политической ответственности, но оставаться в рамках закона [Инако, 1981, 163-164]. Так, по мнению немецкого исследователя А. Файе, конституционное экономическое право Японии, подвергшееся влиянию американского права основывается на принципах демократии, правового государства, социального государства, экологического государства, местного самоуправления и субсидиарности (и др.), а также подразумевает необходимость толкования как писанных, так и неписанных (традиционных) источников права [Файе, 2007, 57].

Роль Верховного Суда Японии в плане конкретизации отдельных охранительных норм Конституции незначительна, о чем говорят статистические данные (за 60-летнее действие Конституции Японии Верховным Судом вынесено около 10 решений о неконституционности положений). В частности, Верховный Суд признал неконституционными положения

законов, предусматривающих более строгое наказание для отцеубийств, ограничения по открытию новых аптек (в зависимости от их близости к уже существующим), непропорциональность избирательных округов с точки зрения распределения голосов между ними, освобождение государства от выплаты убытков, причиненных в результате действия почтового персонала и другие [Уено, 2011, 138].

Основным направлением правоохранительной политики в Японии является предупреждение преступлений. Общегосударственная политическая воля, очевидно, исходит из той позиции, что суровость и массовый характер наказаний не способны снизить показатели преступности. В связи с этим в Японии даже лишение свободы применяется лишь тогда, когда тяжесть деяния и свойства личности преступника указывают на необходимость подобной меры. Иными словами, суровость наказаний сужается до пределов, в которых она является обоснованной [Юрковский, 2003, 21-22].

Важные правоохранительные органы (Главное полицейское управление, Министерство юстиции и др.), а также большая часть государственных и муниципальных органов власти ведет масштабную и систематическую разъяснительную работу. В частности, по всей стране ежегодно проводятся мероприятия, направленные на повышение правовой культуры населения и обеспечение общественной поддержки государственной власти в сфере борьбы с преступностью. Становлению и развитию правосознания способствует выпуск в свет различной юридической литературы, в том числе текстов уголовно-правовых актов с сопутствующими различными комментариями, иных изданий по проблемам уголовного права. «Белые книги» о преступности и полиции поддерживают диалог между государством и обществом, относительно недостатков и трудностей национальной политики противодействия преступности.

Следует заметить, что профилактика преступлений основана на достойной эмпирической базе и результатах комплексных криминологических исследований [Уэда, 1989], деятельности ряда специальных организаций – например, Ассоциации научного обеспечения безопасности, Японской ассоциации криминальной психологии, Японской ассоциации социологической криминологии, Японской ассоциации права и судебной медицины и т.д. [Johnson, 2008; Tsutomi, 2009]. Опыт Японии в сфере борьбы с преступностью вызывает интерес и у российских ученых-правоведов, ведущим из которых признается Н.А. Морозов [Морозов, 2015; Морозов, 2000; Морозов, 2003]. Между тем терминологический поиск категории «профилактика» или «предупреждение» приводит к отрицательному результату. Термин «профилактика» в тексте конституции Японии отсутствует.

В Конституции Японии термин «преступление» встречается 6 раз. Исходя из основного закона, в Японии допускается привлечение к принудительному труду за совершение преступления (ст. 18). С преступлением связана такая мера пресечения как арест. Об этом дважды упоминается в ст. 33 Конституции Японии: «Никто не может быть арестован иначе как на основании выданного компетентным работником органов юстиции приказа, в котором ука-

зано преступление, являющееся причиной ареста, за исключением тех случаев, когда арест происходит на месте преступления».

Термин «преступление» представлен и в ст. 82 Конституции Японии, устанавливающей, что дела о политических преступлениях, о преступлениях, связанных с нарушением свободы печати, или дела, в которых затрагиваются права граждан, гарантированные Конституцией, всегда должны разбираться в открытых заседаниях.

Согласно предложенной методологии исследования, необходимо обратиться к контекстному поиску категории «противодействие». Проведенный анализ позволяет констатировать, что термин «противодействие» в тексте конституции Японии не встречается ни разу.

Аналогичные манипуляции можно применить к понятию «борьба». Термин «борьба» в тексте конституции Японии встречается 1 раз. В ст. 97 Конституции Японии устанавливается, что основные права человека, гарантированные народу Японии настоящей Конституцией, являются результатом вековой борьбы людей за свободу. Эти права претерпели в прошлом суровые испытания и признаются за нынешним и будущими поколениями в надежде, что они на вечные времена останутся нерушимыми.

Охрана как элемент национальной правовой политики противодействия преступности обнаруживает свое присутствие в ст. 99 Конституции Японии, в силу которой Император или регент, а также государственные министры, депутаты Парламента, судьи и все остальные публичные должностные лица обязаны уважать и охранять настоящую Конституцию.

В качестве компоненты национальной правовой и правоохранительной политики охрана находит свое развитие в институциональном государственном структурировании политической системы Японии, где важную роль играют правоохранительные органы. Одним из ключевых элементов системы правоохранительных органов страны является Прокуратура Японии, которая действует на основе Закона о прокурорах 1947 года. В современный период прокуратура Японии организационно входит в состав Министерства юстиции. Прокуратура строится на принципе единой структуры органов прокурорского надзора. Ее функции достаточно широки. Это расследование уголовных дел (наиболее важных и сложных) с последующей передачей их в суд; разрешение ряда уголовных дел без передачи их в суд; возбуждение уголовного преследования и передача материалов в суд; поддержание государственного обвинения в суде; надзор за расследованием уголовных дел полицией; надзор за исполнением наказаний, назначенных судом [Фумиюки, 1994, 44-47].

Следует признать, что система уголовного судопроизводства в Японии ориентирована на процессуальную доминанту обвинения. Обвинитель не только контролирует все процессуальные действия в отношении подозреваемого, но и наделен правом контроля за доступом защиты (адвоката, участвующего в деле), играет решающую роль в процессе и оказывает влияние на вынесение приговора [Морозов, 2003, 159]. Совокупность властных полномочий предоставляет обвинителю возможность действовать по своему усмотрению: например, возможность «в интересах правосудия» приостановить преследование, даже если обвиняемый

полностью признался в совершении преступления [Georg, 1984]. Более того, в отличие от западноевропейской модели, обвиняемый не обладает широкими правами процессуальной защиты. Несомненно, это объясняется высоким доверием к органам уголовного преследования и в значительной степени высоким процентом признаний [Castberg, 1990, 120-121]. Наряду с «видимой жесткостью», тем не менее, существуют средства баланса – гуманизма, «снисходительности» уголовной юстиции – это, например, высокий процент прекращения уголовного преследования (в среднем 17% судебных разбирательств: от 5% по делам об убийствах до 44% по делам о хищениях).

Преступность в Японии находится на низком уровне по сравнению с другими развитыми «капиталистическими» странами, в структуре преступности преобладают не столь опасные и тяжкие преступления. Японская статистика разделяет преступления на две группы: преступления, предусмотренные Уголовным кодексом, и преступления, предусмотренные специальными законами [Иванисов, 2013, 111-112]. На практике подавляющая часть преступлений, предусмотренных УК, приходится на кражи и причинение телесных повреждений в результате небрежного управления автотранспортом; остальные виды преступлений этой группы составляют незначительную долю. В структуре преступлений, предусмотренных специальными законами, первое место занимают нарушения закона о дорожно-транспортном движении (поскольку формально административных наказаний за эти нарушения не существует, они квалифицируются как уголовные преступления), второе – нарушения законодательства о наркотиках и возбуждающих средствах.

Субъекты уголовной политики в Японии исходят из того, что суровость и массовый характер санкций не способны сдержать рост преступности. Поэтому в Японии даже лишение свободы применяется лишь в тех случаях, когда тяжесть преступления и личность преступника дают основания считать этот вид наказания неизбежным. Следовательно, суровость не исключается, но применение ее резко сужается до пределов, в которых она является обоснованной.

Порядок исполнения наказания в виде лишения свободы регламентируется Законом в тюрьмах 1908 г., включающим в себя 75 статей. Разъяснения, относительно применения данного закона, даются в специальных Правилах применения Закона о тюрьмах 1908 г. и множественных внутриведомственных актах (извещениях, приказах или уведомлениях).

Следует отметить, что соответствующие нормативные правовые акты предполагают установление достаточно жесткого режима отбывания наказания. Целью, которого является не изоляция правонарушителя от общества, а изоляция сознания правонарушителя от свободного существования. Предусмотрены весьма строгие правила пребывания осужденных в тюрьмах, которые трудно назвать либеральными. Например, нельзя рассказывать другим заключенным о своих родственниках, класть руки за спину или в карманы, щелкать каблуками ботинок или шаркать обувью при ходьбе, умываться и стирать одежду без разрешения охраны, ложиться на кровать, садиться или облокачиваться на нее в дневное время, сидеть

на стуле не в той позе, которая предписана плакатом, висящим в камере, говорить за работой на темы, с ней не связанные, разговаривать с другими заключенными в туалете, разговаривать с охранниками без их разрешения, надевать запрещенные предметы одежды, например, головные уборы и перчатки [Алексеев, Гольдберг, Куколевский, 2007, 61].

Основываясь на содержании основных международно-правовых документов в сфере личных прав человека (Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.), которые в наибольшей степени отражают соотношение международных стандартов и закрепление личных прав [Вечканова, 2010, 9] во внутригосударственном законодательстве Японии, можно предположить, что гарантированность прав, обеспечивающих физическую и психическую неприкосновенность и нравственную ценность личности заключенных, вызывают сомнение.

Жесткость условий содержания заключенных компенсируется результативной работой гражданского общества, не оставляющего без внимания людей, отбывающих наказание в японских тюрьмах. Участие японской общественности, прежде всего разнообразных и многочисленных специализированных общественных организаций, в борьбе с преступностью выражается в систематическом посещении членами общественных организаций заключенных в исправительных учреждениях и ненавязчивой заботе об освобожденных после отбытия последними наказания. Особенно активно участвует население в предупреждении отклоняющегося от нормы поведения несовершеннолетних [Тихомиров, 2006, 8-10].

В Японии создана даже не общегосударственная, в смысле участия всех государственных и муниципальных органов, а общенациональная система борьбы с преступностью, включающая широкую сеть активно действующих общественных формирований граждан [Белявская, 1992, 34].

Заключение

Обобщая вышеизложенное, подведем краткие выводы по работе:

1. Система конституционно-правовой охраны в Японии (осуществляемая на основе Конституции Японии 1947 г.) в настоящее время претерпевает концептуальные изменения в связи с корректировкой общеполитического курса Японии на расширение мер охраны конституционализма и преимущественно основывается на интерпретациях конституционных норм высшими органами исполнительной власти (прежде всего – Правительством).

2. К субъектам конституционно-правовой охраны в Японии относятся государственные органы и органы местного самоуправления, действующие совместно с многочисленными научно-исследовательскими организациями и общественными институтами.

3. Объекты конституционно-правовой охраны в Японии соответствуют «стандартному перечню» подобного рода объектов в современных западных демократических странах (государственная власть, Конституция и законодательство, права и свободы человека и гражданина).

4. Содержание конституционно-правовой охраны в Японии представляет собой совокупность подходов, средств и приемов (способов) поддержания законности и правопорядка, ранее тяготеющих к концепции «мягкой силы», но претерпевающих в настоящее время деформацию.

5. Эффективность конституционно-правовой охраны в Японии во многом обуславливается приверженностью японского государства и общества к религиозно-историческим традициям и убежденностью участников правоотношений в особой «общемировой роли» Японии (идеологический ориентир), высокой степенью социальной ответственности и наличием гражданского общества и соответствующих институтов (социально-активный ориентир), а также нацеленность государственной политики на предупреждение возможных правонарушений (официально-профилактический ориентир).

6. Противодействие преступности в Японии осуществляется с учетом накопленного ценного опыта в этой области и привлечения широких слоев общественности в данный процесс в соответствии с принципом соразмерности наказания совершенному деянию, целями общей и частной превенции.

Выводы проведенного исследования носят общий характер и не могут восприниматься в качестве исчерпывающей спецификации правовой охраны государственного строя в Японии (находящейся в процессе реформирования), нуждаются в дополнительном уточнении и конкретизации. Основы японского конституционализма на протяжении длительного периода убедительно демонстрируют свою эффективность и наличие глубоких социальных корней в практике отдельно взятого государства, и, по мнению авторов, должны быть изучены с позиции их применимости для совершенствования российской правовой системы и юридической практики.

Библиография

1. Аксаев Ю.А., Корнев А.В., Кузьмин В.Н. Особенности правового регулирования в сфере охраны окружающей природной среды (на примере Японии) // Труд и социальные отношения. 2011. № 1. С. 141-147.
2. Алексеев А., Гольдберг А., Куколевский А. Тюрьмы мира // Коммерсант Власть. 2007. № 30. С. 61.
3. Андреева Г. Н., Файе А. Конституционное экономическое право в Японии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2009. № 1. С. 56-60.
4. Белявская О. А. Уголовная политика Японии. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1992. 56 с.
5. Вечканова Н. В. Конституционное регулирование личных прав и свобод человека в азиатских государствах Тихоокеанского региона // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 12. С. 7-12.

6. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 1996. 400 с.
7. Иванисов А. В. Признаки преступления в уголовном праве Японии // Общество и право. 2013. № 3. С. 111-113.
8. Кан Уэда Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989. 256 с.
9. Кида Дзюнъити Нихон кейхо сорон (Общая часть уголовного права Японии). Киото, 1977. 49 с.
10. Киреева А. А. Реинтерпретация конституции Японии: последствия для Восточной Азии и России // Актуальные проблемы современной Японии: Выпуск XXIII. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 7-16.
11. Королев В. А., Кудрявцева С. С. Мягкая сила современной Японии: опыт и направления развития // Вестник международных организаций. 2014. № 2/9. С. 190-208.
12. Кузнецова Т. О. Принципы избирательного права Японии // Право и управление. XXI век. 2010. № 3. С. 70-75.
13. Кулагин Ю. В. Авторское право Японии // Патенты и лицензии. 2009. № 10. С. 23-29.
14. Лещенко Н. Ф. Посольства Н. П. Резанова (1803–1805) и Е. В. Путятина (1852–1855) в Японию // Восточный архив. 2009. № 1. С. 34-45.
15. Моргунова А. И. Государственные органы исполнительной власти Японии: справочник. М.: МАКС-ПРЕСС, 2004. 290 с.
16. Морозов Н. А. Преступность в современной Японии: проблемы криминологической и уголовно-правовой политики: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. 433 с.
17. Морозов Н. А. Преступность и борьба с ней в современной Японии: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2000. 193 с.
18. Морозов Н. А. Преступность и борьба с ней в Японии: монография. СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2003. 280 с.
19. Саркисов С. О. Япония: время системных перемен? М.: Восточная литература, 2014. С. 71-85.
20. Сенаторов А. И. Политические «мозговые центры» Японии // Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XXIII. М.: ИДВ РАН, 2007. С. 33-46.
21. Тихомиров Е. В. Зарубежный опыт участия общественности в деятельности учреждений для содержания несовершеннолетних осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 6. С. 8-10.
22. Уено М. Гарантии основных прав в Японии // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 135-141.
23. Фумиюки В. Как работает прокуратура Японии // Российская юстиция. 1994. № 8. С. 43-47.
24. Цунэо Инако Современное право Японии. М.: Прогресс, 1981. 269 с.

25. Юрковский А. В. Сочетание традиционных и компаративистских начал в процессе конституционного развития политической системы Японии // Сибирский юридический вестник. 2003. № 3. С. 17-24.
26. Язовская О. В. Трансформация мифологического наследия Японии в системе японской государственности // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. Т. 130. № 3. С. 171-181.
27. Castberg D. A. Japanese criminal justice. New York: Praeger, 1990. 168 pp.
28. Georg D. J. Discretionary Authority of Public Prosecutors in Japan // Law in Japan. 1984, 17, pp. 42-77.
29. Johnson D. T. Japanese punishment in comparative perspective // Japanese journal of sociological criminology. 2008, 33, pp. 46-64.
30. Tsutomi Hiroshi. A Paradigm Shift in Offender Treatment: Towards a Strength-Based Model // Japanese Journal of Sociological Criminology. 2009, 34, pp. 47-58.

Features of the constitutional protection in Japan

Igor' A. Kuz'min

PhD in Law, Associate Professor at the Department of state history and theory,
Accredited Lawyer,
Irkutsk Law Institute (branch) of the Academy
of the R.F. Prosecutor General's Office,
664035, 1 Shevtsova str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: grafik-sovetnik@rambler.ru

Aleksei V. Yurkovskii

PhD in Law, Head of the Department of state law,
Associate Professor, Senior Justice Adviser,
Irkutsk Law Institute (branch) of the Academy
of the R.F. Prosecutor General's Office,
664035, 1 Shevtsova str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: avyurkovsky@mail.ru

Abstract

The article deals with the organization and functioning of the constitutional law, legal protection and law-enforcement in Japan based on the modern political and legal situation in the country. The article examines ideological and religious national and historical features of the

constitutional-legal protection in Japan. The authors came to the conclusion about the dynamic changes in the system of the constitutional-legal protection in Japan. The article describes the specificity of its elements, subjects, objects, and contents. The effectiveness of the constitutional law and legal protection in Japan is evaluated from general and prognostic perspectives with an emphasis on law-making and law enforcement experience in crime prevention. Japanese system of constitutional law, legal protection and law-enforcement is based on The Constitution of 1947, but now it goes through some conceptual change concerned with the development of Japanese policy. It tends to protect constitutional order and it is based on the interpretations of constitutional law by the acting government. Legal protection in Japan has a nature of soft power, but in the current period it is transformed in deep way. The constitutionalism in Japan is quite efficient and sustainable, it has deep social support. Such an experience can be very useful for the evolvement of Russian legal system and court practice.

For citation

Kuz'min I.A., Yurkovskii A.V. (2016) Osobennosti konstitutsionno-pravovoi okhrany v Yaponii [Features of the constitutional protection in Japan]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 5, pp. 123-137.

Keywords

Constitution, constitutional law, Japan, constitutional law, legal protection, law-enforcement, soft power, crime prevention, crimes.

References

1. Aksaev Yu.A., Kornev A.V., Kuz'min V.N. (2011) Osobennosti pravovogo regulirovaniya v sfere okhrany okruzhayushchei prirodnoi sredy (na primere Yaponii) [The legal regulation in environmental protection, the case of Japan]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya* [The labor and social relations], 1, pp. 141-147.
2. Alekseev A., Gol'dberg A., Kukolevskii A. (2007) Tyur'my mira [The prisons of the world]. *Kommersant Vlast'* [Businessman: the state Issues], 30, p. 61.
3. Andreeva G.N., Faie A. (2009) Konstitutsionnoe ekonomicheskoe pravo v Yaponii [Constitutional and economical law in Japan]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki* [Humanities and social science], 1, pp. 56-60.
4. Belyavskaya O.A. (1992) *Ugolovnaya politika Yaponii* [The criminal policy in Japan]. Moscow.
5. Castberg D. A. (1990) *Japanese criminal justice*. New York: Praeger.
6. David R., Zhoffre-Spinozi K. (1996) *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [Main modern legal systems]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.

7. Fumiyuki V. (1994) Kak rabotaet prokuratura Yaponii [How the prosecutors work in Japan]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], 8, pp. 43-47.
8. *General part of Japanese criminal law* (1977). Kyoto.
9. Georg D.J. (1984) Discretionary authority of public prosecutors in Japan. *Law in Japan*, № 17, pp. 42-77.
10. Ivanisov A. V. (2013) Priznaki prestupleniya v ugovnom prave Yaponii [The features of crime in criminal law of Japan]. *Obshchestvo i pravo* [The society and the law], 3, pp. 111-113.
11. Johnson D.T. (2008) Japanese punishment in comparative perspective. *Japanese journal of sociological criminology*, 33, pp. 46-64.
12. Kan Ueda. (1989) *Prestupnost' i kriminologiya v sovremennoi Yaponii* [The crimes and criminology in modern Japan]. Moscow: Progress Publ.
13. Kireeva A.A. (2015) Reinterpretatsiya konstitutsii Yaponii: posledstviya dlya Vostochnoi Azii i Rossii [New interpretation of Japanese Constitution and its consequences for Russia and Eastern Asia]. *Aktual'nye problemy sovremennoi Yaponii* [The urgent problems of modern Japan], XXIII, pp. 7-16.
14. Korolev V.A., Kudryavtseva S.S. (2014) Myagkaya sila sovremennoi Yaponii: opyt i napravleniya razvitiya [The Japanese experience of soft power]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii* [Herald of international Organization], 9 (2), pp. 190-208.
15. Kulagin Yu.V. (2009) Avtorskoe pravo Yaponii [The copyright in Japan]. *Patenty i litsenzii* [Patents and licenses], 10, pp. 23-29.
16. Kuznetsova T.O. (2010) Printsipy izbiratel'nogo prava Yaponii [The principles of electoral law in Japan]. *Pravo i upravlenie. XXI vek* [The law and the management in 21st century], 3, pp. 70-75.
17. Leshchenko N.F. (2009) Posol'stva N.P. Rezanova (1803–1805) i E.V. Putyatina (1852–1855) v Yaponiyu [The embassies of Rezanov and Putyatin to Japan]. *Vostochnyi arkhiv* [The Eastern archive], 1, pp. 34-45.
18. Morgunova A.I. (2004) *Gosudarstvennye organy ispolnitel'noi vlasti Yaponii: spravochnik*. [The guide on state government in Japan]. Moscow: MAKS-PRESS Publ.
19. Morozov N.A. (2000) *Prestupnost' i bor'ba s nei v sovremennoi Yaponii* *Dokt. Diss.* [The crimes and crime prevention in modern Japan. Doct. Diss.]. Vladivostok.
20. Morozov N.A. (2003) *Prestupnost' i bor'ba s nei v Yaponii: monografiya* [The crimes and crime prevention in Japan]. St. Petersburg: Yurid. tsentr-Press Publ.
21. Morozov N.A. (2015) *Prestupnost' v sovremennoi Yaponii: problemy kriminologicheskoi i ugovno-pravovoi politiki* *Dokt. Diss.* [The crimes and criminal policy in modern Japan. Doct. Diss.]. Moscow.
22. Sarkisov S.O. (2014) *Yaponiya: vremya sistemnykh peremen?* [A time for change in Japan] Moscow: Vostochnaya Literatura Publ.

23. Senatorov A.I. (2007) Politicheskie "mozgovye tsentry" Yaponii [Political brain centers in Japan]. *Aktual'nye problemy sovremennoi Yaponii* [The urgent problems of modern Japan], XXIII, pp. 33-46.
24. Tikhomirov E.V. (2006) Zarubezhnyi opyt uchastiya obshchestvennosti v deyatelnosti uchrezhdenii dlya sodержaniya nesovershennoletnikh osuzhdennykh [The foreign experience of social participation in the imprisonment of juvenile offenders]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* [The criminal system: law, Economics and management], 6. pp. 8-10.
25. Tsuneo Inako (1981) *Sovremennoe pravo Yaponii* [The modern law in Japan]. Moscow: Progress Publ.
26. Tsutomi Hiroshi. (2009) A paradigm shift in offender treatment: towards a strength-based model. *Japanese journal of sociological criminology*, 34, pp. 47-58.
27. Ueno M. (2011) Garantii osnovnykh prav v Yaponii [The guarantees of human rights in Japan]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian law magazine], 3, pp. 135-141.
28. Vechkanova N.V. (2010) Konstitutsionnoe regulirovanie lichnykh prav i svobod cheloveka v aziatskikh gosudarstvakh Tikhookeanskogo regiona [The constitutional regulation of human rights in Asian states of Pacific region]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [The state and local authorities], 12. pp. 7-12.
29. Yazovskaya O.V. (2014) Transformatsiya mifologicheskogo naslediya Yaponii v sisteme yaponskoi gosudarstvennosti [The transformation of mythology in the state system of Japan]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Herald of Ural Federal University in Humanities], 3, pp. 171-181.
30. Yurkovskii A.V. (2003) Sochetanie traditsionnykh i komparativistskikh nachal v protsesse konstitutsionnogo razvitiya politicheskoi sistemy Yaponii [Traditions and comparison in the evolution of constitutional law in Japan]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian legal herald], 3, pp. 17-24.